

Среда 1984

Власть памяти

ТЕАТР

В старом Вильнюсе дома жмутся друг к другу, словно хотят согреться в непогоду. Над городом кружит метель, снег засыпает красные черепичные крыши, островерхие башни соборов, слепит глаза редким прохожим. А рядом, за стеной одного из особняков, раскинулись бескрайние степи Сары-Озекы, и горстка людей провожает в последний путь старого Казангала на древнее кладбище Ана-Бейит. На сцене Вильнюсского молодежного театра идет спектакль «И дольше века длится день», поставленный по одноименному роману Чингиза Айтматова.

У театра свой язык. Наивным было бы пытаться вписать в трехчасовое действие спектакля все темы и мотивы полифонического по своему звучанию романа, включающего в себя и события давней истории, и современность, и фантастику. Поэтому театр начинает рассказ по-своему: в первые десять минут на сцене не произносится ни единого слова. Зрители сразу попадают в атмосферу жизни разезда Боранлы-Буранный, затерянного далеко в степи, за обычной работой застают его обитателей — Едигея и его жену Укубалу. События, и весьма драматические, разыгрываются совсем скоро, сцена заполняется людьми — теми, кто и наяву, и в воспоминаниях предстанет перед Едигеем, развернет перед ним напоследок длинный и непростой свиток его жизни. Но сейчас хочется остановиться, сосредоточиться на самых первых мгновениях постановки.

Похоже, в погоне за метафоричностью выразительностью сценографии и режиссуры мы стали забывать, какой властью может обладать сцена над нашими чувствами. А она, оказывается, способна заста-

вить нас испуганно зажмуриться от слепящих огней грохочущего мимо поезда, потянуться вместе с Едигеем к огню, прислушаться к далеким звукам гармоник, перебиваемым порывами ветра, согреться от принесенного Укубалой извещения: скончался друг Едигея, Казангал... О том, как именно режиссер Эймунас Некрошюс, художник Адомас Япюскис и актеры добиваются такого эффекта, — поговорим позднее, пока же вновь обратимся к неторопливому, захватывающему зал действию спектакля.

Вот одна из сцен. Вместе с родственниками на похороны Казангала приехал фотограф. Старый Едигей смешно позировует перед аппаратом — очень ему хочется сфотографироваться, до сих пор фотограф появлялся в степи лишь однажды — сделать снимок верблюда, огромного Каранара. Незаметно наступает утро. Все громче поют птицы, степь освещает солнце — и вот уже Абуталип, учитель, сверкая голыми пятками, лезет на высокий шест укрепить скворечник, а рядом молодой Едигей с молодой женой, соседи с детьми — все немногочисленное население Боранлы-Буранного — шумно радуются весне, солнцу, началу новой жизни. Слово молнии, воспоминания пронзают сознание Едигея: вот увозит следователь оклеветанного Абуталипа, вот отогревает он, Едигей, своим дыханием жену Абуталипа Зарипу, решившую уйти из жизни... История любви Едигея к Зарипе рассказана актерами А. Латенасом и К. Казлаус-

кайте почти без слов, но она — потрясает, столько в ней целомудрия и страсти.

Второе действие начинается легендой о Манкурте — несчастном пленнике, которого лишили памяти, заставили забыть мать, отца, свое имя, превратили в животное. Театр ведет повествование средствами пантомимы — виртуозно здесь мастерство С. Барейки (Манкурт) и И. Кряузайте (Найман-Ана). Автор инсценировки Г. Кановичюс вместе с режиссером выбрали из эпического богатства романа именно эту легенду не случайно: она принципиально важна для идейно-художественной концепции спектакля. В финале его старый Едигей скажет: «Ведь земля — это не шапка Манкурта, она все помнит». В исторической памяти человечества навсегда запечатлеваются страдания и горе людей, в ней каждому воздается по заслугам. Едигей прожил нелегкую, полную испытаний жизнь, но ни разу не усомнился в конечной победе и правоте добра, ни на миг не потерял в душе сочувствия и любви к людям. Наконец, никогда не переставал он мучиться не просто собственными проблемами, но судьбой человека, земли вообще. Жизнелюбивый пафос спектакля проявляется в полную силу, потому что подкреплен одновременно и правдой жизни, и — что не менее важно для театра — сценической правдой.

Еще в тридцатые годы Луначарский отмечал процесс сближения эстетических полюсов внутри современного теат-

ра, писал, что «театр должен иметь в своем арсенале возможно больше приемов, прекрасно знать театральные традиции, знать и новые достижения сценической техники, уметь, если надо, и совершенно неслыханное и невиданное находить и выдвигать...» В сегодняшнем спектакле — даже рядовом — приемы условного и реалистического театра образуют уже привычный для нашего восприятия синтез. В творчестве некоторых молодых режиссеров, например, Э. Некрошюса из Литвы, И. Рыскулова из Киргизии, М. Кучухидзе из Грузии и других, очевидно стремление на основе достижений великих предшественников расширить арсенал выразительных средств, органически соединить психологизм «искусства переживания» с пластическими приемами «искусства представления».

Вот как в спектакле «И дольше века длится день» Некрошюс решает образ Едигея. Его играет молодой актер А. Латенас, играет почти без грима — лишь на голове у исполнителя то ли причудливая шапка, то ли парик, подчеркивающий возраст героя. Экцентрика, гротеск безусловно наличествуют в трактовке образа, но откровенно условные эпизоды соседствуют с эмоционально насыщенными сценами — монологами актера, проживающего на наших глазах все перипетии душевной драмы Едигея. Режиссер в эти моменты «умирает» в артисте, но буквально через несколько секунд вновь направляет действие согласно собст-

венной творческой воле, собственной творческой фантазии. Некрошюс разрабатывает тончайшую звуковую и световую партитуру спектакля — и напрямую вводит в него элементы пантомимы, создает доподлинную предметную среду, где живут герои, — и показывает нам верблюда Каранара с помощью... каната и четырех актеров.

В Литве сейчас уверенно работает молодое режиссерское поколение — Д. Тамулявичюте и Э. Некрошюс в Вильнюсе, И. Вайткус и Г. Падегимас в Каунасе, С. Варнас в Шяуляе. Немаловажную роль играет то, что им здесь доверяют: и целые театры (трое из названных режиссеров являются художественными руководителями коллективов), и право выбора своего репертуара, сколь сложным он ни казался бы поначалу. Постановщики с самостоятельными творческими программами спланируют вокруг себя свежие актерские силы: заметно выросло за последнее время мастерство артистов В. Багдонаса и В. Пяткявичюса, В. Масальскиса и Ю. Онайтиса. К сожалению, в афишах почти нет новых драматургических имен — первенствуют постановки классики и инсценировки. Стоит отметить, что здесь традиционно высоки требования к литературному качеству сочинения, предназначенного для постановки.

Человек и его время, ответственность человека за судьбу своего ближнего, своей страны, всей земли — вот темы, отчетливо прослеживающиеся в спектаклях литовских ре-

жиссеров. Поэтому старый железнодорожный рабочий Едигей решает на сцене вопросы, касающиеся современного миропорядка вообще, заботится о том, чтобы не прервалась цепочка человеческой памяти, которая сегодня, по выражению Айтматова, «уже тянется с Земли в космос». Поэтому в драме «Калигула», поставленной И. Вайткусом в Каунасском театре, выносятся приговор всем, кто по собственному усмотрению вознамерился вершить судьбами человечества.

Такие традиционные достоинства прибалтийской сцены, как высокая постановочная и актерская культура, философское осмысление затронутых тем, интеллектуальная насыщенность спектаклей дополняются сегодня в лучших работах молодых яркой, пластически выразительной формой постановок, их сгущенной до предела образностью.

...В одной из легенд говорится, что капли янтара на морском берегу — это застывшие людские слезы. Плачет старый Едигей, прощаясь с верным своим другом Казангалом, вспоминая людей, которых любил когда-то и которые помогли ему понять, обрести смысл бытия. В зале медленно гаснет свет, кончается спектакль, и ты постепенно осознаешь, что только что пережил то очищающее душу потрясение, которое столь редко случается сегодня в театральных стенах, но за которыми все мы в сущности и ходим в театр. Потому что именно театр может в одно мгновение обнажить, выявить смысл целой человеческой жизни и сделать ненеправдой, навсегда оставить в нашей памяти каждую улыбку, каждую слезу человека.

Н. АГИШЕВА.

(Спец. корр. «Правды»).

г. Вильнюс.